

— Беда, пропал парень-то! Третий день уже нет... Светать начнёт - снова искать...

Тревожные голоса разбудили Кольку. Свет на кухне. Наверное, очень рано: черным-черно за замёрзшими окнами. Отец в полушубке. Разговаривает с мамой. По полу несёт холодом — только что с улицы.

Ночь ещё на дворе — на работу сбегал! Привычно ворчит на него из своего угла бабушка: «Супу похлебать мужику некогда! Начальник! Мастерские, нижний склад, катище — всё подико оббежал-то?»

— Пап! Кто пропал? Какой парень? — из-под одеяла Колька. — Как пропал?

— Спи, спи. Найдётся!.. Найдём... Старой Фасхутдиновны внук потерялся... Из школы не пришёл. Найдём, спи давай! — Укутывает одеялом. — Спи... Ребят на улицу — ни ногой! — бабушке. — Школу, садик отменили: тридцать на градуснике! Смотрите тут за ними, шустры больно!

«Про меня... А чем смотреть-то, когда... И как это „потерялся“? Он же мальчик... Вот ножичек складной — потерялся и...». Но мысли путаются, ускользают, мальчики путаются с ножичками — спит Колька.

(Колька — это я, маленький...

Как вспомню о Паньке Рыбаке — память сразу настойчиво предлагает мне именно это тревожное зимнее утро. А познакомились мы с ним летом.)

Жил тогда Колька в посёлке, который стоял на берегу большой реки, и весной, в разлив, посёлок обязательно топило, как Венецию.

Большая вода заходила со стороны мастерских — там, где пониже. В считанные часы река переполнялась до краёв и шла из русла к домам мощным широким порогом, неся и крутя, как щепки, вырванные с корнями деревья, брёвна, «запоздавшие» грязные льдины, хлопья жёлтой пены.

Первые часы потопа всегда доставляли жителям много хлопот: все бегают, суетятся, что-то куда-то ещё переносят, поднимают! Папа

круглосуточно на работе, на запани. Колька тоже с утра на улице, его постоянно загоняют домой: «Вода идёт!». Он тут же снова во дворе — нет ещё воды-то! Да и не до него всем.

Но вдруг на песке около дома «неизвестно откуда» появляется первый робкий, тоненький ручеёк. Другой. Они быстро растекаются по сторонам, с ними ещё можно играть... А через какой-то час — вода кругом: на улицах, во дворах, огородах. Всё уже в воде! Но ещё можно ходить, и мужики в броднях за цепи перетаскивают лодки, крепят к домам рундуки, боны, плоты — будущие причалы.

Вода быстро прибывает. Вот уже первые местные «гондольеры», стоя в вёртких долблёнках, лихо рассекают поселковые «Гранд-каналы», только не в полосатых рубашках и соломенных шляпах с ленточками, а в фуфайках и ушанках. Да в руках не длинное весло, а багор — отталкиваться (неглубоко ещё), а если попадётся какое-никакое брёвнышко — подцепить (не помешает: будущие дрова).

А затем и все поплыли! На работу, с работы, в школу, из школы, в садик, магазин. Даже за водой — по воде! Бочку в лодку — и к колодцу. «На Бор» — в деревеньку, что в паре километров повыше, в сосновом бору: не топит там.

Чья-то поленница пустилась вплавь, зеванул хозяин — не успел поднять куда повыше. Крики, хохот! И всем, включая старых стариков, необычайно весело!

Половодье! Весна ведь! Лето скоро. Дожили!

Посёлок обычно заранее готов к наводнению. Сено на высоких поветях, скот «поднят» — разведён по деревьям. Дома строились высокие — венцов тридцать с лишним, крылечки — выше двух метров. Но к некоторым «счастливым», в низинах, вешняя вода всё-таки бесцеремонно заходила прямо домой. И тогда вся семья какое-то время расхаживала в сапогах по комнатам. Маленькие и старенькие отсиживались на печи. Притом чрезвычайной ситуацией это никто не считал. Детям, наоборот, — сплошное веселье. И если хозяйка не подшустрит, не выбелит сразу после половодья заново, то так и стоит до конца лета в избе «горизонт» — ровнёнькая отметка на печи, довольно высокая иногда. Забежишь к другу в гости, примеришь на себе — и восторженно: «Ух ты, по горлышко была!».

Через несколько недель вода спадала, река входила в берега и, как всегда, спокойно и величаво катила свои воды дальше, вниз, на север. К далёкому холодному морю.

Река смывала весь мусор, хлам, а взамен наносила на улицы посёлка мелкий светлый песок. Поэтому были они летом, залитые солнцем, всегда чисты, белы и нарядны. А трудяги-люди жили себе спокойненько на берегах реки до следующей весны, до следующего «веселья»!

Для Кольки лето и весна в посёлке и не кончались никогда. Зима да осень мелькали быстро, не оставляя таких радостных и глубоких впечатлений в душе его, и помнились не так ярко, как лето. Вот как то лето...

Удрал! Ура! Свобода. Колька уже на берегу — любимое место. Выгоревшая на солнце чёлочка. Ситцевая тёмно-синяя рубашка, чёрные трусы. Босой. Гуляет самостоятельно, где захочет. Часто без спросу.

«Вольно-о-ой!» — Называет любимого внука бабушка.

Вот и сейчас — сбежал от бабушки. На берегу — никого: полдень. Утром здесь веселье: лодки снуют туда-сюда, с сиреной отходят катера, полно народа — на рыбалку, в лес, на сенокосы. «Лев Толстой» — большой белый трёхпалубный пароход — проходит вниз по реке. С музыкой! По палубам гуляют пассажиры. Едут куда-то... Красиво. Помахать им!

С утра здесь движуха! Сейчас — затишье. Даже стариков на лавочке нет, разбрелись по домам: жарко.

Тихо плещется о днища лодок волна, слегка покачивая их. Пахнет варом (смолой, что густо смолят лодки), гниющей древесной корой, рыбой, соляркой, водой — всем одновременно. Солнце над головой. Ветер с реки, тугой, тёплый, радостно треплет рубашку, чёлочку.

Река — километровая водная ширь! Слева запань, «станок» — сплав леса там, плоты вяжут, большие, стометровые. Потом их по большой воде вниз, «на область», ведут, бумагу делать. Спереди буксир — пароход, за тросы тянет. Сзади толкач — катер с тупым носом, толкает вправо-влево, чтобы на мель не наскочить. Далеко на том берегу — тёмный бор, ещё дальше, за синей дымкой — райцентр. Справа — луга, покосы. Все поселковые сейчас за рекой: взрослые косят, гребут, старшие пацаны на лошадях копны возят.

Жёлтые полосы — это пески за плёсами. «Большие» — среди них брат, ему уже восьмой, — скачут там на своих «конях» — длинных ивовых ветках с метёлками на концах. Весело им!..

Кольку тоже однажды брали с собой... Да где ему угнаться за ними! Ускакал «эскадрон», бросил его одного, «безлошадного». Вокруг — только небо, солнце да песок. Бродил там... По пескам. По пустыне.

К вечеру вернулись: «Дома ничего не говори!» Забрали...

Как там был, один-то? Да так как-то... Не очень. Новое чувство испытал, не очень такое... Потом узнал Колька, как называется, — одиночество.

Скучно, жарко. Репродуктор в посёлке деловито бормочет непонятные слова: «процентов... плана... соцсоревнование...». Хочется пить, спать... Домой?.. Бабушка загонит под замок. Хотя что ему бабушка! Колька запросто убежит снова, когда захочет: бабушка-то ничего не видит! Слепая она.

«Маленько-то вижу, вот солнышко, — говорит, — вижу, тебя вижу, а мне и не надо много...». Улыбается. У неё смешные глаза: серые, добрые, только в центре, где у всех чёрные точки, у неё — белые. Говорит — «бельма»! Боженька наказал. За грехи.

— Это когда злишься, гне-е-евашься, возмёмшь что не своё, кого-нибудь оби-и-идишь. Бо-о-ольно сделаешь. Человеку ли, пти-и-ичке ли. Боженька нака-а-ажет! Тебя ли, детей ли. Нака-а-ажет...

— Ха-ха-ха! Птичке! — Заливается Колька.

— Всё-то ты спрашиваешь да спрашиваешь! — И как всегда в такие минуты, цепко, но ласково хватая, притягивает его к себе «слепыми руками», ощупывает, обнимает, улыбается. Крестит...

Колька с братом очень любят бабушку и ласково зовут её «маленькой». Мала ростом, да сгорбило её ещё, «согнуло», как она говорит, — вот и «маленькая».

Хоть и слепая, а по дому много чего делает. Но главная её обязанность — нянчиться с ними. И когда она, не укараулив, зовёт, ищет их на улице, то ходит, нагнувшись вперёд, «расщеперив» в стороны руки. Ловит. Братья, пользуясь моментом, немедленно начинают играть с ней в жмурки! Проскакивают под её руками! Быстро проползают между ногами! Гукают за спиной, хлопают ладошками! Глаза у неё широко раскрыты, смотрит прямо в лицо! Кажется — видит! Но притворяется... (Совсем как в том будущем страшном фильме про ведьму!) Им становится немного жутковато и от этого ещё веселее! В общем — идёт потеха! Для них и для прохожих...

Блестит река. О чем-то тревожно орут чайки... Ни-ко-го... Делать нечего, пора Кольке возвращаться к бабушке.

Хотя!.. Слева из-под берега появляется удилище, затем белобрысая стриженная голова... Панька! Вернее, Панька Рыбак. Не потому, что у него удочка, а потому, что у него отец — Рыбак. Рыбак — и всё! Зовут так все. Кто с опаской, кто со злостью,

большинство — равнодушно, не по имени-фамилии, а просто — Рыбак. Рыбак он действительно: рыбу ловит и зимой, и летом.

Летом сетями, донками, перемётами — длинными, прочными бечевами. На них крючки, много, на крючках живцы, мальки — рыбки такие маленькие. Живые ещё — приманка. Бросают перемёт с лодки, он плывёт по течению. Щука! Голодная. Несётся мимо — хват! Попа-а-алась! Окунь — тоже злой, тоже мимо не пройдёт! Готов и он — на крючке. А вскоре оба на дне лодки, у ног Рыбака прыгают.

Бреднем ловит, мордами — а это такая ловко сплетённая из тонких ивовых веток длинная, узкая, чтобы пролезала в прорубь, корзина-ловушка. Внутрь кладут приманку, обычно куски рыбы или тухлое мясо, на налима например. Бросают морду на дно, привязав её верёвкой, чтобы течением не унесло и вынимать ловко было. Рыба — дура, в морду заходит — пожрать, а выйти — никак: ветки уже поперёк. Запор! Сиди, глупая, жди Рыбака...

Осенью, тёмными тихими ночами, он рыбу лучит. Тоже интересное, немного даже таинственное занятие, когда на носу лодки на железном противне разводят огонь — костерок, который освещает дно водоёма. Вокруг непроглядная темень. В черноте ночи тихо-тихо плывет ярко-жёлтое качающееся пятно света. Ловец лежит на носу лодки, наполовину свесившись, близко над водой. Костёр освещает сосредоточенное суровое лицо. «Хозяин!» В свете огня он хорошо видит всё дно, всё «своё подводное царство». В руках его грозное оружие — острога, длинная деревянная жердь с крючковатым железным трезубцем на конце. Налим! Стоит, спит на дне... Осторожно, без всплеска опускается острога в воду... Резкий меткий удар верной руки — и бедолага-налим уже вьётся на трезубце! В лодке.

А по первому, ещё прозрачному, но уже довольно прочному, чтобы ходить, льду глушит Рыбак рыбу. Чем-чем? Топором, конечно! Ходит такой в полушубке, бородатый, чёрный, вернее — тёмный какой-то, по льду. Тот слегка потрескивает, прогибается под мощным телом, но держит «хозяина». В руке у него метёлка из пихты, чтобы поразмести, где ни то, снежок мелкий со льда — лучше рыбу высмотреть. А та стоит опять, дура, прямо подо льдом, на виду у Рыбака. Ну, а в другой руке у него топор! Любимое оружие. Ка-а-ак даст! Обухом по льду, прямо над рыбиной — та и оглохла, бедная. Контузия. Вырубит её спокойненько, бросит в мешок за плечом и бредёт дальше. Хмурый постоянно. Всегда один...

И весной, в половодье, ловит, круглый год ловит. Щука, стерлядь, нельма... Да в посёлке все ловят — на большой реке живём, не он один. В иной семье, вот, например, у Гальки, на шестерых, считая четырёх детей, — шесть лодок разных! Ло-овят! Но этот — «не так», не «как все», этот «всю душу отдаёт» ловле... Рыбу продаёт.

Самая главная рыбалка у него та, которая поздней осенью, уже в холода, когда самая дорогая рыба, красная, с низов, с моря, в верховья идёт. Сёмга идёт. С икрой идёт. На нерест.

Работает ещё где-то. Все ведь работают... Сторожит что-то.

Живёт Панька с отцом. Вдвоём живут, без мамки. (Не знаю почему... Не думал об этом. Трудно ещё об этом думать в шесть с небольшим-то...). Изба их на отшибе стоит, «от всех подальше», на самом берегу, на реку смотрит. Далеко — отсюда не видно!

Панька явно рад мне: лыбится. Я, наверно, тоже рад, потому что, не здороваясь, сразу молча подходим друг к другу, идём дальше вместе. Раньше мы с ним и не играли даже, так — встречались где-то. По-настоящему он ни с кем не дружит: Рыбак запрещает. «Скучный», — говорят про Паньку. На нем майка с длинными лямками, штаны-шаровары, потому что постоянно на огороде: поливает, картошку бугрит, сорняки дёргает. На сенокосе — комары там, мошка всякая, овод. Лес опять же —

грибы-ягоды. Пашет Панька! Босой, как и я. Загорелый.

Занятий на берегу сразу появилось множество! Обойти все лодки, посидеть во всех, всё критично обсудить, оценить: оснастку, вёсла, цепи. «Специалисты» большие! Лодки в посёлке не запираются, цепи обмотаны вокруг столбиков или больших камней, замков нет. Садись — плыви, катайся! Не запрещается. Только обратно на место так же поставь да привяжи, чтобы не унесло. Но сегодня не катаемся, лень — жарко. Удочка тоже валяется на песке — не клюёт, вся рыба на дне. Спит.

Панька необычайно оживлён, весел.

— Во-о! Синяя глина! «Пластилин»!

Действительно — самое то для лепки всякой всячины! Лепим... Потом кидаемся друг в друга синими лепёшками, сами все синие. Хохот! Весело!

А тут, прямо под ногами, — настоящие драгоценные камни: мелкие разноцветные стекляшки, осколки бутылок, банок, уже совсем не острые, наоборот — приятные на ощупь, хорошо отшлифованные водой, песком, временем... Рубиновые, изумрудные. Пособирать...

— Смотри — «водомёт»! (Быстроходный плоскодонный катер. На нём — никого. На ремонте, трап не убран...) Полезли?!

— Давай...

Но полазить по катеру, поглазеть в иллюминаторы, в кубрики не удаётся: палуба — горячий утюг. Раскалена солнцем, жжёт пятки — скорее ноги в воду!

Да много чего ещё! Искупнуться вот обязательно надо. Да, да, конечно без трусов! Конечно «голожопиками»! Чтобы дома не узнали (купаться в реке строго-настрого запрещено, только в озере можно, мелко там).

— Ныррем!

Ныррем «щучкой», я — «солдатиком». Плаваем, барахтаемся, прыгаем с лодок, с бонов. Долго, до озноба, до звона в ушах. Потом валяемся на горячем песке. Солнце заметно сдвигается за посёлок, оттуда весело, обрывками слов поёт радио. На сероватом небе — ни облачка, ветер уже не тёплый — горячий. На реку больно смотреть — рябит, искрит на солнце! Жара. Снова клонит в сон, хочется пить...

— А пошли ко мне! У нас сегодня кисель. Холодненький!.. — Панька явно уважает меня, хотя и постарше.

— К тебе-е-е? Я?! Не-е-е...

— А чё?..

— Да ну! Боюсь. Папку твоего боюсь... Да ну!

— Да пойдё-ё-ём, черёмухи поедим! Знаешь, как много нападало на землю?! Сладкая! — уговаривает Панька. — Поеди-им! А папки-то и нету дома, на рыбалке он.

Черёмуха у Паньки прямо во дворе растёт, высокая, ягод много. Спелые на землю падают. Да, ягоды сладкие... Но тут есть одна хитрость с этими «падающими» ягодами. Как и у моей подружки Гальки, у Паньки козы, точнее, козлята по двору бегают. Нет, не бодаются, маленькие ещё. Спутать можно запросто! Ягоды — с какашками козлиными. Да точно такие же! Круглые, чёрные, блестящие, ну то-о-очно — спелая черёмуха! Только когда жуёшь — как пластилин... Да на вкус...

— Ничего! — Хохоchet Панька. — Вдвоём разберёмся!

Уже идём к нему, по кромке песка, у самой воды. Черёмуха и Панькина уверенность отбросили все мои страхи и сомнения. Маленький приборчик щекочет босые ноги, Панька всё больше нравится мне. И вовсе не скучный, глаза у него светлые, почему-то грустные, ресницы слиплись после купания. Смешной, снова лыбится... О чём-то болтаем, наверно о тех же козлятках. Беленькие они, весёлые... Совсем не скучный!

Добрый он, только какой-то... виноватый, что ли? А! Одинокий...

Дома у Рыбаков на удивление чисто, всё прибрано. Половики...

На столе клеёнка. Действительно — кисель. В банке. В трёхлитровой. Прохладный. Кисленький. Клюквенный...

— Давай ещё по одному!

— Давай.

— Ой! — Метнулся Панька за тряпкой. — Пролил! — На клеёнке розовая лужица. — Вытереть!

Вдруг неожиданно резко хлопает входная дверь. Панька вздрагивает. Цепенеет.

И-и-и! Тут же! Начинается! (Сейчас, сейчас! Подробно. Передохну только!.. Погодите!)

Так. Панька с воплями бегаёт вокруг стола! За ним — Рыбак! В руке ловко перехваченный посередине ремень, так, что получаются два конца: тонкий, кожаный, и толстый — с пряжкой. С медной. Панька так быстр, что схватить его Рыбак не успевает, только бьёт. Когда достанет. Ремнём. Со всей силы.

— Пр-ролил! — Удар! Визг! — Пр-р-ролил! — Удар! Визг! — Пр-р-ро-о-о-о-и-и-ил!
— Удар! Визг!

И так — круг за кругом! Вокруг стола! Круг за кругом! Вокруг стола! Кру-у-уг за кру-у-уго-о-ом!

После каждого удара — на спине Паньки, на руках, на шее полоса — пятно, полоса — пятно! Красные! Багровые! Вздываются...

Я — в центре этого круга! До боли прижался затылком к столешнице! А может, уже под столом. Что-то неожиданное, ужасное творится! Совершенно непонятное мне!

Как это?! (Ещё не знаю слова.) Ну-у-у! Как это-о-о?!!

Дикое?! (Это я взрослый.)

Да! Да! Дикое! Именно дикое творится вокруг меня. За что?! Почему? Ах да! «Пролил!» Лужица...

И когда-а-а же он заметит меня-я-я?! Лица Рыбака не вижу. Не смотрю. Боюсь. Страх. Ужас!..

Сколько это продолжалось, как вырвался из круга, бежал домой, не помню — выпало! Около своего дома с ходу врезаюсь в кого-то! Быстро лезу на руки! Сердце: тук-тук, тук-тук, тук-тук! Часто-часто! Руки. Сильные, тёплые! Родные серые глаза. Зубы. Мне так всегда нравятся эти зубы! Большие, широкие, как лопатки, ровные, белые-белые! Боже! Как я люблю эту улыбку! Папа...

— Коля? Что ты?! Что ты?! Что с тобой?! Смотри, что я тебе принёс! «Морская пена»! Белая, твёрдая! (Диковинка и большая ценность для нас, пацанов, — пенопласт из заграничных спасательных жилетов.) Кораблики будем вырезать, поплавки!.. Да что с тобой?! Что ты? Что ты? Коля! — Крепко прижимает меня к себе...

Тук-тук, тук. Тук... Всё. Папа! Мой папа...

Больше с Панькой мы не виделись.

А зимой их увезли. Паньку увезли и Рыбака, отца его, увезли. Паньку — в детдом. Рыбака — в тюрьму... Ну, конечно же, не за кисель! За что?

А был ещё Витька...

Витька — парень уже совсем большой, почти взрослый. В школу ходит, в девятый, а может, даже и в десятый класс. В райцентр ходит. Вернее, живёт там, в интернате. Сам высокий, худой, жилистый. Смелый! Волосы чёрные, фамилия татарская. Семья у них большая. Детей — человек девять! Витька старший, остальные — «маленькие». Да бабка ещё, старая, в тубетейке ходит, да мамка, да папка! Семейка шумная, но весёлая и дружная. Витька приходит домой каждую субботу, а иногда, если скучно

станет, и средь недели прибежит! Близко? Да не очень. Километров семь-восемь. А ему — «нешто-о-о!»! Шустрый!

Вот и сегодня, только уроки закончились, Витька — бегом! Мимо интерната (а чего ему там!), через речку, мост «Соборник» (потому что у церкви). Бегом! Мимо «Городка» (курган большой, старинный). Бегом!

По Заречью (зелёные луга — летом, снега — сейчас). Бегом! Прямоком! По дороге! Сердце подпрыгивает — домой! Бегом! Бегом! Бего-о-ом!

Метелица с утра. Тревожно как-то. Поддывает. Не любит он такую погоду. Не особо и холодно, но ветер справа, западный, резкий. Продувает. На ногах у Витьки валенки, подшитые, папкины. Ничего — тёплые! На голове ушанка ватная, военная. Тё-ё-ёплая. А пальтишко вот не очень... Рукавицы какие-то (без рукавиц не ходили — обморозишься!). Через плечо сумка. «Полевая». На ремешке, на брезентовом. Книжки-тетрадки. Норма-а-ально учится. Уроки сделает! Деловой он, задумал — выполнит!

Иногда бредёт — снегу по колено! На дороге уже перемёты. Не рыболовные — сугробы снежные поперёк дороги. Кстати, рыбу ловить Витька тоже может, знает как...

Холодает. Ничего, он ходу прибавит! До горы «три с чем-то», там налево, ещё столько же, и — дома! Под горой дорога по реке, в лесу. Хорошо здесь, не дует, продрог порядком Витька...

Смеркаться начало. Вот и мастерские, «поселковый пригород», справа показались — почти дома! «Интересно, как там маленькие?» Соскучился.

Но вместо того, чтобы прибавить, почему-то вдруг замедляет шаг и поворачивает... Налево...

Да дело тут ещё у Витьки! Вернее, делишко. Место тут есть такое... Затончик такой... Маленький.

Ну и что, что затончик?! Ну и что, что маленький?!

А т-т-то! Надо тут! Надо кое-что тут... Да поздно спорить! Вот он уже — затончик. Пришёл. Поздно болтать! Дело делать надо!

Насты-ырный Витька. Знакомое место. Бывал здесь! Лунки тут. Проруби... В них — морды. Рыба. Парень умный, знает — как. Главное — всё не брать! Одну-две... Конечно, самые большие. Главное — не всю рыбу! Оставить кое-что. Тогда не заподозрят...

А может, не надо? Витька?! Да ну её! Рыбу! Морды! Иди домой, Витя! Там тепло, маленькие, горячая картошечка. Да ну её, эту рыбу! Да н-н-ну её-ё-ё!

(Чё?! Это я снова, что ли?! Тот — маленький? Или старый — нынешний?!

...Похоже, и тот, и этот...)

Уходи-и-и, Витёк, отсю-юда-а-а!!!

Долго стоит, замерев... Долго, напряжённо, до слёз, вглядывается в чёрную стену леса, кусты. Тёмное пятно в серой пелене снега далеко на берегу — дом Рыбака, едва виден отсюда...

Сняв шапку, долго, напряжённо, почти не дыша, вслушивается. Шум ветра. Скрип деревьев в лесу. Шорох пороши. Стемнело почти. Да нет, показалось... Никого. Метёт сегодня...

Потом резко, как ото сна, встряхивает головой: мысли какие-то лезут в голову. «Картошечка!...»

Всё картошка да картошка! Ничего. Уха сегодня будет!

Хор-ро-шим лед-ко-ом покрылась! С трудом разбивает валенком лёд в проруби. С утра стоят. Е-е-есть что-нибудь наверняка! И ещё важно — присыпать всё хорошенько снежком. Вот во-оду эту — стекает с морды... Следы...

Т-т-тяжё-ё-елая... Рыбина! Б-б-больша-а-ая! Б-б-боль!!!

...Искали Витьку долго. Сначала думали — замёрз, заблудился, может. Метель была в тот день, пошёл напрямик! Через лес. Парень резкий был... Может, волки? Случалось всякое тогда и со взрослыми, не то что с детьми! Темно везде — ни фонарей, ни света, ни машин. Дороги узкие, лесные...

Нашли его водолазы. Специально из области приезжали. Там же в проруби и нашли... Стоит Витька. В затончике. Пробитой топором головой упёрся в чуть просвечивающий голубовато-серый лёд. Из черепной коробки река вымыла и унесла разбитые мозги. Как и книжки-тетрадки. Чуть-чуть покачивает руками. Глаза открыты. Смотрит перед собой. Удивлённо. На морду...

Был суд. Открытый. Народный. В клубе. Дали Рыбаку тринадцать лет (а может, пятнадцать — не помню) тюрьмы. А кто-то говорил — урановых рудников, Казахстан... Были, говорят, тогда такие...

Но отсидел-отработал он всего восемь и вернулся. Мало? Много? Я не знаю...

А какова цена «всему»?! Сколько стоит та рыбина? А пролитый кисель? А родная улыбка, которую всю жизнь бережно носишь в своём сердце?..

Страшно дорого?

По-разному... У каждого свои цены, свои драгоценности...

Вернулся он совершенно больной. Тихий. И вскоре тихо умер. Всё, говорят, выходил, пока мог. Молча сидел на берегу. Смотрел на реку. На затончик...

Долго стояла над рекой пустая изба Рыбака, пугая по вечерам чёрными глазами разбитых окон случайных прохожих. Пока, наконец, под тяжестью мокрого весеннего снега не обрушилась прогнившая крыша. И мужики по пьяни, проезжая мимо с песнями на бульдозере, не столкнули под угор мрачный чёрный остов. А в половодье река унесла рухлядь подальше вниз.

Несколько лет ещё пользовалось это место дурной славой и люди обходили его стороной. Но поют здесь по весне крапивники. Говаривала бабушка: «Птичка малая, серенькая, как воробышек. Скрытная. Сам гнёздышек-домиков настроит несколько. Каков хозяйке-самочке понравился — в том и живут, птенчиков выводят. В кустарниках. Запоёт — что тот соловей! Разойдётся дак...» (Не долетают к нам соловьи-то: холодно.) И вот очередной весной, под «соловьиные» трели крапивников, появились здесь влюблённые парочки. Плотно и навсегда замерев на скамейке. Ветерок с воды комара отгоняет, да рассветы тут, над рекой, больно хороши! Знают они, парочки, толк в таких местах!..

Дальнейшая судьба Паньки мне не известна. Вскоре мы уехали из посёлка. И папа говорил, что не знает ничего про Паньку. А может, не хотел рассказывать?..

Сколько лет прошло, сколько времени! Сколько воды утекло! Столько, что даже та вода, которая всё это унесла, даже та вода — давно прошла реки, моря, океаны, весь земной шар и давно уже вернулась обратно в свой родной затончик. Целая жизнь. А я всё вспоминаю тебя, Панька! И всё спрашиваю себя: кем был ты мне - приятелем? товарищем? а может, другом?! Как жилось тебе тогда, белобрысый мальчишка с грустными глазами, в том далёком посёлке нашего детства? Дико? Одиноко?

Слишком коротко было наше общение — лишь яркий летний день, но хочется считать тебя другом. Ты друг мне, Панька! До свидания, Панька!